Нѣсколько указаній на московское нарѣчіе

въ концѣ XVIII вѣка.

(Изъ учебника русской грамматики проф. Барсова, 1780 г.).

Такія указанія мы находимъ въ грамматикѣ А. А. Барсова. Вотъ точное заглавіе экземпляра, которымъ я пользовался, по любезному указанію П. К. Симони изъ его библіотеки: „*краткія правила* | *россійской* | *грамматики*, | *собранныя* | *изъ* | *разныхъ россійскихъ* | *грамматикъ* | Въ пользу | Обучающагося Юношества | въ | Гимназіяхъ | *императорскаго московскаго университета.* | Третьимъ изданіемъ. | въ Москвѣ, | Въ Университетской Типографіи, | у Н. Новикова, 1780 года". (Подчеркнуто, набранное болѣе крупнымъ шрифтомъ).

Положивши въ основаніе своего учебника грамматику Ломоносова, проф. Барсовъ не слѣдуетъ рабски своему учителю. Онъ допускаетъ разныя отступленія и, что особенно для насъ цѣнно, даетъ иногда свои примѣры. Естественно, что эти примѣры онъ бралъ изъ живого московскаго языка, тѣмъ болѣе, что онъ самъ былъ москвичъ. При томъ въ учебникѣ, назначенномъ для московскихъ гимназій, примѣры, взятые изъ діалектовъ, отдаленныхъ отъ Москвы, были бы совсѣмъ не умѣстны.

Поэтому, особенности русскаго языка, которыя мы узнаемъ изъ грамматики Барсова, мы считаемъ особенностями московскаго нарѣчія того времени. Отдѣлить здѣсь московскія особенности отъ другихъ нетрудно. Все,

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
352

что Барсовъ не заимствовалъ, и можно считать московскимъ. Если онъ указываетъ, что: „Увеличительныя кончающіяся на *ще*... употребительнѣе выговариваются въ среднемъ родѣ, *большое столище*, *страшное мужичище*, *толстое ручище*, *ужасное силище*“ (§ 31), или: „Имена кончащіяся на *А* суть рода женскаго...: мужичина, старичина“... (§ 30) — то, находя, что эти данныя взяты у Ломоносова (§§ 140 и 139), мы должны воздержаться отъ присвоенія ихъ живому московскому нарѣчію, особенно потому, что Ломоносова упрекали за внесеніе въ грамматику особенностей холмогорскаго нарѣчія.

Выпишемъ по порядку изъ грамматики Барсова все, что обратило наше вниманіе[1]).

„§ 53. Разсудительный степень происходитъ отъ именительнаго женскаго, перемѣняя *А* на *ЯЕ*, а лучше на *ѢЕ:* напр. *смирна̀*, *смирнѣе*; *бодра*, *бодрѣе*; *весела*, *веселѣе*“.

Положительныя указанія Сумарокова на то, что сравнительная степень на *яе* принадлежитъ разговорной московской рѣчи XVIII-го вѣка, остатки такихъ произношеній въ нѣкоторыхъ современныхъ акающихъ говорахъ, напр.: тульск. скаря́я (*А. И. Соболевскій*, Опытъ русс. діалект., с. 16), кошир. хитря́й (Этногр. Сбор. И. Р. Г. О., в. II, с. 83), колом. умня́е (Р. Ф. В. XLIX, 38) множество примѣровъ у писателей XVIII вѣка, — все это показываетъ, что мы имѣемъ дѣло не съ заимствованіемъ изъ грамматики Ломоносова, а съ явленіемъ московскаго разговорнаго языка. При этомъ изъ изложенія Барсова можно замѣтить, что фф. на *яе* уже выходили изъ употребленія. Ломоносовъ (§ 218) говоритъ о формахъ на *ѣе*, что онѣ „равное или и лутчее достоинство имѣютъ“; Барсовъ считаетъ ихъ прямо „лучше“. Въ 7 изданіи его

---

[1]) Не заимствовалъ, по наведеннымъ нами справкамъ, приводимыхъ данныхъ проф. Барсовъ и изъ другого своего источника: „Начальныхъ основаній Россійской Грамматики, находящихся при Вейсмановомъ Нѣмецкомъ Лексиконѣ“.

грамматики, вышедшемъ въ 1793 году, послѣ его смерти, и исправленной, не знаю кѣмъ, въ сравнительной степени окончаніе яе указывается для „просторѣчія“ (§ 57, стр. 31).

Очень цѣнныя указанія на московское произношеніе конца XVIII-го вѣка находимъ въ отдѣлѣ о правописаніи на стр. 86—90, 94—95. Вотъ, что здѣсь говорится:

„...Не должно писать по нѣкоторому деревенскому выговору (*о*) вмѣсто (*а*) на пр. *продовать*, *отдовать*, *заплотить*, *владыко*, *прикозалъ* вмѣсто *продавать*, *отдавать*, *заплатить*, *владыка*, *приказалъ*“.

„Неправильно также выговариваютъ и пишутъ (*а*) или (*о*) вмѣсто (*у*) на пр. *онъ одержалъ великаю* или *великою побѣду*, вмѣсто *великую*; (*а*) вмѣсто (*ы*), на пр. *выиграшъ*, вмѣсто *выигрышъ*, (*а*) вмѣсто (*я*), на пр. *дѣлаетса*, *пишетса*, вмѣсто *дѣлается*, *пишется*.

(Но когда въ возвратномъ залогѣ въ концѣ нѣтъ гласной, Барсовъ допускаетъ и твердое окончаніе *сѣ*, указывая такое окончаніе въ §§ 106, 107, 109, 120. Нигдѣ, впрочемъ, онъ не приводитъ примѣровъ съ этимъ окончаніемъ: напротивъ, въ примѣрахъ вездѣ окончаніе *сь*, такъ что окончаніе *сѣ* приведенное въ данныхъ §§ можно считать ошибкой. Но можно также думать, что отступая въ этомъ случаѣ отъ Ломоносова (см. §§ 277, 278, 280), Барсовъ могъ слѣдовать живому языку).

„Е. вмѣсто (*а*), на пр. *чесы*, *честей*, *начелъ*, *бывшего*, вмѣсто *часы*, *частей*, *началъ*, *бывшаго*“.

„Е. вмѣсто (*и*), на пр. *строетъ*, *вложетъ*, *налевать* вмѣсто *строитъ*, *вложитъ*, *наливать*“.

„...Сіи двѣ буквы (*е* и *ѣ*) въ произношеніи существенную разность между собою имѣютъ; такъ что слѣдуя въ складѣ послѣ согласной буквы, (е) выговаривается съ бо́льшимъ, а (ѣ) съ меньшимъ отверстіемъ устъ; и такъ сказать, *остряе*. Примѣтить сіе можно изъ той противности, которая чувствуется, когда кто выговоритъ *ныне* черезъ (е), вмѣсто *нынѣ* черезъ (ѣ). (Ср. Ломон. § 104)

„...когда въ простонародномъ произношеніи выговаривается (îо), то сіе почти безъ изъятія вѣрной знакъ, что тутъ должно писать (е), на пр. *Ведетъ, привелъ, пришелъ, ледъ, медъ, орелъ, веселой, далеко, пишетъ, сыплется, вылетъ, выметка:* Ибо сіи и всѣ подобныя имъ словà, подъ удареніемъ разсуждаемыхъ здѣсь складовъ силою во всей Россіи, а безъ ударенія, по крайней мѣрѣ во многихъ городахъ и областяхъ Россійскихъ, въ просторѣчіи выговариваются: *ведîотъ, привîолъ, пришîолъ, лîодъ, мîодъ, орîолъ, весîолой, далîоко, пишîотъ, сыплîотся, вылîотъ, вымîотка*“.

(Неправильно пишутъ:) „Е. вмѣсто (ю), на пр. *на здѣшнею, на тамошнею сторону.* вмѣсто *на здѣшнюю, на тамошнюю сторону*“.

„Е. вмѣсто (*я*), на пр. *светой, посветитъ, тену, взелся*, вмѣсто *посвятитъ, тяну, взялся;* и на оборотъ (*я*) вмѣсто (*е*), напр. *яму, твояво, скоряе* вмѣсто *ему, твоево, скорѣе*[1]) (Ср. Ломонос. § 116; „яму“, приведенное Ломоносовымъ, взято имъ, конечно, изъ московскихъ парѣчій).

„Еще жъ не правильно пишутъ“.

„*И* вмѣсто (*е*), на пр. *пишитъ, крбитъ, можитъ, братицъ, малинькой*, вмѣсто *пишетъ, кроетъ, можетъ, братецъ, маленькой*“... (Ср. Ломон. § 119).

„И. вмѣсто (ы), на пр. *обманивать* вмѣсто *обманывать*“...

„У. вмѣсто (*а*), въ словѣ *держутъ* и въ подобныхъ тому, вмѣсто *держатъ*“.

„О. вмѣсто (ы), на пр. *проигровать*, вмѣсто *проигрывать*“.

„Ы. вмѣсто (*а*), на пр. *лѣты, лицы*, вмѣсто *лѣта, лица*“.

„Ы. вмѣсто (*о*), на пр. *изслѣдывать* вмѣсто *изслѣдовать*“...

---

[1]) Обратимъ вниманіе на противорѣчіе съ § 53 (с. 102).

„Ю. вмѣсто (*я*) съ крайнимъ поврежденіемъ языка выговариваютъ и пишутъ въ третьемъ лицѣ множественнаго числа нѣкоторыхъ глаголовъ, на пр. *ходютъ*, *видютъ*, *просютъ*, *строютъ*, вмѣсто *ходятъ*, *видятъ*, *просятъ*, *строятъ*, такожъ *строющійся* вмѣсто *строящійся*“.

„Я вмѣсто (*ѣ*), на пр. *просвященный* вмѣсто *просвѣщенный*“.

„Въ разсужденіи согласныхъ буквъ надлежитъ остерегаться, чтобъ обманываясь вольностію выговора, или сходствомъ другихъ словъ, не писать“...

„К вмѣсто (*г*), на пр. *кружъ*, *можъ*, вмѣсто *кругъ*, *могъ*“...

„Ф... вмѣсто (*хв*), на пр. *фалитъ*, *фатать*, вмѣсто *хвалитъ*, *хватать*“.

„Х. вмѣсто (*г*), на пр. *нохъ*, *мохъ*, вмѣсто *ногъ*, *могъ*“.

„Ц. вмѣсто (*с*), на пр. *дѣлаетца*, *пишетца*, вмѣсто *дѣлается*, *пишется*“...

Москва и въ наше время стоитъ почти на границѣ акающихъ и окающихъ говоровъ. Остатки оканья есть въ самомъ Московскомъ уѣздѣ, вблизи Москвы (См. Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Акад. Наукъ за 1900 годъ, стр. 49). Выработавши извѣстное, состоящее изъ соединенія сѣверныхъ и южныхъ особенностей, нарѣчіе, Москва не приняла нѣкоторыхъ замѣчательныхъ чертъ того и другого, напр. сѣвернаго *цоканья* и южнаго *яканья*, которыя теперь, по привычкѣ къ литературному нарѣчію, кажутся намъ грубыми, рѣзкими, непріятными для слуха. Это понятіе и впечатлѣніе раздѣляютъ съ образованными людьми и народныя массы, населяющія Московскій и ближайшія къ нему уѣзды, говоры которыхъ, въ общемъ, являются уже значительно сглаженными подъ вліяніемъ московскаго нарѣчія. Нѣкоторыя особенности близкихъ къ Москвѣ мѣстностей исчезаютъ на нашихъ глазахъ. Такъ нѣкогда цокающее село Іудино Александров. у. Влад. г. оказалось не цокающимъ, когда наблюдатель, проф. А. И. Смирновъ, посѣтилъ его черезъ нѣсколько лѣтъ (См. Русск.

Фил. Вѣст. 1879-, № 2, с. 188). Раньше, конечно, и говоръ Москвы не былъ еще такимъ очищеннымъ и опредѣленнымъ, какъ теперь: въ него свободнѣе примѣшивались отличительныя черты сѣверныхъ и южныхъ нарѣчій, и самыя эти нарѣчія, вблизи Москвы, въ большей полнотѣ содержали свои особенности и рѣзче сталкивались другъ съ другомъ. Грамматика Барсова даетъ любопытныя иллюстраціи къ мнѣнію ученыхъ, доказавшихъ смѣшанный характеръ московскаго нарѣчія. По даннымъ этой грамматики видно, что еще въ концѣ XVIII столѣтія говоръ города Москвы или его окрестностей былъ болѣе смѣшаннымъ. Въ немъ можно еще было нерѣдко услышать нѣкоторыя южныя особенности, которыя есть теперь только въ говорахъ довольно далекихъ отъ Москвы, напр. *хв* вмѣсто *ф*: *фалить*, *фатать*; *х* въ концѣ словъ вмѣсто *г*, которое, значитъ, нѣкоторыми произносилось какъ *h*. Болѣе сильное аканье можно въ наше время услышать очень близко отъ Москвы, въ южныхъ говорахъ Москов. у. (См. Сборникъ Отдѣлен. рус. яз. и словесн. Имп. Академіи Наукъ, т. LXVIII, прилож. № 3, стр. 164). Это увеличиваетъ основаніе предполагать, что во времена Барсова въ нѣкоторыхъ московскихъ семьяхъ акали сильнѣе; говорили, какъ показываютъ его примѣры: „ямý, твояво" и даже, можетъ быть, „просвящен-ный" вм. „просвѣщенный" (гдѣ, впрочемъ, вѣроятнѣе видѣть произношеніе, образованное по аналогіи къ словамъ: святой, преосвященный). Ё вслѣдъ за удареніемъ представляетъ теперь въ говорахъ на сѣверъ отъ Москвы довольно рѣдкое явленіе. Даже въ Покровск. у. Влад. губ. обыкновенное произношеніе: ни́шъгт, сы́плгтца, вы́лит, вы́мгтка. Во времена Барсова произношенія: „ни́шотъ, сы́плётся, вы́лётъ, вы́мётка", очевидно, настолько были обычны среди московскаго простого люда: прислуги, рабочихъ, торговцевъ, пріѣзжающихъ изъ деревень крестьянъ и т. п., что приведенныя произношенія были хорошо извѣстны москвичамъ и могли дѣйствительно приго-

диться ученикамъ Московскихъ гимназій для примѣненія къ правиламъ правописанія.

Другая сѣверная особенность, произношенія: „продова́ть, отдова́ть, прикоза́лъ“, опредѣленно относимая Барсовымъ къ крестьянскимъ нарѣчіямъ, указываетъ еще болѣе на первобытный, не поддавшійся литературному вліянію окающій говоръ вблизи Москвы. Особенность эта требуетъ нѣкоторыхъ объясненій. Русскій языкъ знаетъ чередованіе звуковъ *о* и *а* въ глаголахъ типа рони́ть — ра*ня́*ть, гони́ть—га*ня́*ть, мочи́ть —ма*ка́*ть, ложи́ть —ла*га́*ть (съ префиксами). Это чередованіе извѣстно въ древнихъ памятникахъ (Новгород. лѣт., Новгородскія грам.); въ современномъ малорусскомъ нарѣчіи оно очень распространено; оно есть въ нынѣшнихъ сѣверныхъ говорахъ (напр., въ Покровск. у., Влад. губ.), даже отчасти въ литер. языкѣ (кла́няться — поклони́ться, ка*са́*ться — прикоснове́ніе), но нигдѣ оно не проводится неограниченно: вездѣ находимъ вызванныя аналогіями уступки въ пользу звука, *о*, т. е. произношенія типа: лома́ть, рони́ть, помога́ть и т. п. Вотъ по образцу этихъ формъ и должны были образоваться приводимыя Барсовымъ: „продовать, отдовать, прикозалъ. Имѣя: „лома́ть, рони́ть, лома́лъ“ при „лама́ть, ра*ня́*ть, лама́лъ“ и т. п. составляли: „продовать, отдовать, прикозалъ“ при „прода́вать, отда́вать, прика*за́*лъ“.

Формы подобныя „продовать“ встрѣчаются и въ старомъ письмѣ (гдѣ, впрочемъ, легко могутъ быть объяснены аканьемъ писавшаго) и въ современныхъ намъ живыхъ говорахъ. Такъ, въ „Сказкѣ объ Урусланѣ Залазаревичѣ“, напечатанной въ „Лѣтописяхъ“ Тихонравова, по рукописи XVII вѣка, мы находимъ: достова́ю (кн. IV, отд. II, стр. 117), зако́чаетца (стр. 102), догодался (стр. 125). Такъ писалъ Сумароковъ: распологати (Письмо къ Им. Екатеринѣ II отъ 26 марта 1872 года: „Лѣтописи“ Тихонравова, т. III, кн. 6). Въ Клинскомъ у. мы слышали: „прилога́ютъ“ (= предлагаютъ), въ произношеніи дѣвочки изъ Судогодскаго у. отмѣтили: „скидова́ит“ (она шляпу ски-

дова́ит), въ Покров. у. часто: „замора́ть“. Ср. сѣвер. „загону́ть загóдку“.

Другія изъ приведенныхъ выписокъ указываютъ на особенности, которыя вполнѣ свойственны и современному нарѣчію Москвы. Мы намѣренно выписали изъ примѣровъ Барсова большее число данныхъ, чтобы показать, что онъ бралъ эти примѣры изъ живого московскаго языка. При этомъ насъ не останавливаетъ то соображеніе, что московскія гимназіи того времени, служа потребностямъ всей Россіи, имѣли воспитанниковъ изъ отдаленныхъ мѣстностей съ разнообразными нарѣчіями. Во-первыхъ, наибольшій процентъ учащихся, конечно, былъ изъ москвичей; во-вторыхъ, грамматика Барсова, какъ и грамматика Ломоносова, посвящена литературному языку и нарѣчію, и съ діалектами, кромѣ московскаго, не имѣетъ дѣла.

В. Чернышевъ.

С.-Петербургъ,
30 мая 1903 года.

Библиотека Академии Наук